

Научная статья

УДК 81"11

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72

Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности

Валерия Евгеньевна Чернявская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

chernyavskaya_ve@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

Аннотация

Статья рассматривает деонтическое значение слова и его формирование в контексте политической корректности. Политическая корректность понимается как социальная и коммуникативно-речевая практика, которая создает и поддерживает идеологически мотивированное использование языка. Предлагаемый анализ показывает объяснительные возможности понятия деонтического значения как аналитического инструмента для изучения слова в контекстуализации и в интерпретации языковых процессов, порождаемых политической корректностью, в частности. Деонтическое значение рассматривается как компонент значения слова, выражающий оценку и одновременно предписание нормативного характера о (не)возможности использования этого слова для выражения определенного содержания. В статье критически проанализирована трансформация понятия политическая корректность в англо-американском и немецком дискурсе, систематизированы объяснительные подходы в прагматически ориентированной лингвистике, предлагающие лингвистические критерии для различения денотативного значения и дополнительных значений, обуславливающих оценочную интерпретацию языковой единицы в контексте. Теоретико-методологическую основу анализа составляют объяснительные концепции в современной лингвистике дискурса, дискурсивном анализе, прагматически ориентированной лингвистике. Эмпирический материал для исследования представляют тексты, отражающие актуальные коммуникативные ситуации в странах Западной Европы и в США в 2019–2023 гг. Анализ показал, что у политически корректного наименования (переименования) прослеживается формирование деонтического значения. Фактически наблюдается не альтернативная номинация, но редукция возможного многообразия и полифонии значений и сведение их к одной доминирующей интерпретации и одному смыслу. В значении ряда языковых единиц в английском, немецком языках закрепляется негативная деонтика категоричного запрета на употребление, в значении других слов закрепляется положительная деонтика с прескриптивным характером желательности использования. Механизм формирования деонтического значения действует как социально детерминированный. Анализ показывает такие ситуации, в которых политическая корректность из практики использования языка, нацеленной на преодоление дискриминации и оскорбления социальных уязвимых групп, фактически трансформировалась в борьбу со скрытыми смыслами, потенциально выводимыми адресатом.

Ключевые слова

семантика, прагматика, контекстуализация, деонтическое значение, коннотация, политическая корректность

Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» № 22-18-00591 в Балтийском федеральном университете, Калининград.

Для цитирования

Чернявская В. Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 58–72. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72

© Чернявская В. Е., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 3

Deontic Meaning and Pragmatics of Politically Correct Renaming

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation

chernyavskaya_ve@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

Abstract

The analysis is carried out against the background of conceptions of deontic meaning as a basic concept to analyze social evaluation of lexis. As first introduced by Fritz Hermanns, the term deontic meaning is considered as part of the lexical meaning of some words and expressions on par with their descriptive meaning that appeals to the stances of the recipients. The paper presumes that deontic meanings refer to the prescriptive usage of a linguistic form and its positive or negative deontics pointing to whether something may (not) or ought (not) to be used in certain contexts. In this framework the deontic meaning of the word is studied in the perspective of political correctness and politically correct language. The analysis shows an explanatory force of the concept deontic meaning as an analytical tool for investigating the social embeddedness of a linguistic form, and contributes to understanding linguistic processes generated by political correctness. This paper, first, reveals the key notions central to understanding political correctness as aiming to redress injustices in matters such as race, nation, gender, sexual orientation in the modern (Anglo)-American and German types of discourse. Second, the paper aims to discuss the relationship between denotative meaning, connotation and deontic meaning in explaining the meaning making process in contextualization. The analysis is in line with theoretical and methodological approaches in modern discourse linguistics, discourse analysis, and pragmatically oriented linguistics. Empirical material for the study is provided by the texts reflecting current socio-cultural situations in Western Europe and in the USA in 2019-2023. The actual cases show that in the politically correct naming practices there is a trend for the formation of a deontic meaning. In fact, what is observed is not an alternative nomination, but a reduction of the possible polysemy of meanings to one dominant interpretation and one meaning. The mechanism of the deontic meaning formation acts as socially determined. The analysis shows such situations in which political correctness actually has been transformed into a struggle with hidden meanings potentially derived by the addressee.

Key words

semantics, pragmatics, contextualization, deontic meaning, connotation, political correctness

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 at Baltic Federal University, Kaliningrad

For citation

Chernyavskaya V. E. Deontic Meaning and Pragmatics of Politically Correct Renaming. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 58–72. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72

Введение

Имена конструируют реальность вокруг человека, имя раскрывает социальную позицию, культурную и социальную идентичность. В перспективе социальной ономастики имена (ономастическая лексика) анализируются как обусловленные широким комплексом социолингвистических факторов [Smith, 2016]. Исследуется политическая мотивированность в наименовании людей, организаций, мест [Alia, 2007; Guenther, 2009]. Ключевой вопрос в изучении имен и, как следствие, в изучении переименований связан с тем, выполняет ли имя только денотативную функцию называния объекта или выражает большее. Имя не только описывает или помечает объект, относит его к какой-либо категории, но и определенно формирует отношение к объекту номинации, к его восприятию и оценке¹. Перспективным и эвристичным становится, таким образом, изучение не только и не столько референтного значения, но смысловых приращений, возникающих у имени в контекстуализации.

Связь имени и типичного контекста, в котором оно ожидаемо, выдвигает практика переименований географических объектов, топонимов в обществах, переживающих политические

¹ Примечательный пример, определяющий направление анализа: 45-й президент США Дональд Трамп регулярно использовал для обозначения новой коронавирусной инфекции термин «китайский вирус» («Chinese virus»), маркируя тем самым контекст распространения инфекции и свое отношение к этому.

и социальные преобразования. Как известно, в России в постсоветский период произошла десоветизация топонимии – массовая замена названий населенных пунктов, улиц, площадей и других объектов. Аналогичные практики наблюдались на постсоветском пространстве в тех государствах, которые образовались после распада СССР [Степанов, 2014]. Политизация каждодневного существования в социуме позволяют в настоящем времени наблюдать многочисленные примеры изменения названий, которые воспринимаются как указывающие на нежелательные ассоциации и смыслы.

Предметом предлагаемого анализа является переименование, т. е. изменения названия организации, компании, товара, мотивированные политической корректностью. Политическая корректность понимается как социальная и коммуникативно-речевая практика, нацеленная на осознанное использование языка, исключающее слова и выражения, оскорбительные по признаку расы, национальности, пола, семейного статуса, возраста, вероисповедания, сексуальной принадлежности и исключающие дискриминацию другого человека по этим основаниям [Ely et al., 2006; Fairclough, 2003; Lakoff, 2000; Mills, 2003]. В таком понимании политкорректность (Political Correctness) была определена англо-американской перспективой. Современные исследователи указывают со ссылкой на основополагающую работу [Wilson, 1995], что понятие и собственно термин политкорректность вошли в общественное сознание в США в 1991 г. В середине 1990-х гг. появились публикации, показывающие, что это явление не уникально для США и англо-саксонской культуры. Политкорректность (Politische Korrektheit) можно считать темой и повесткой для Германии [Bonder, 1995; Diderichsen, 1996; Frank, 1996; Wimmer, 1998].

В российских публикациях тема политической корректности рассматривается вслед за англоязычными исследованиями как культурно-специфичное явление [Майба, 2016], как один из аспектов культуры речи, с точки зрения эвфемизации речи [Рубина, 2011]. Собственно языковой аспект рассматривается в связи с гендерно маркированным использованием языка и так называемым «инклюзивным языком». Применяя термин «инклюзивный язык» к политкорректности, О. А. Леонтович интерпретирует это как язык, «который никого не дискриминирует», так как исключаются всякие упоминания расы, социального пола, возраста, национальности и иных характеристик личности, инклюзия прослеживается «в отказе от слов, которые в процессе использования обрели нежелательные коннотации и ассоциации; избегании стереотипизации; изменении семантики слов; эвфемии; ложных семантических связях» [Леонтович 2021. С. 201; 215].

Представляется, что приведенное широкое определение инклюзивного языка отражает представления о политкорректности в ранний период позиционирования этой общественной практики. Актуальный социокультурный контекст и репрезентирующая его современная коммуникативно-речевая практика выдвигает новые исследовательские акценты как в социокультурном, так и в лингвистическом анализе. Сегодня политическая корректность проявляет себя не как сосуществование и конкуренция разных идентичностей и идеологий, но как ограничение возможного многообразия и полифонии значений и сведение их к одной доминирующей интерпретации и одному смыслу. Радикализация политической корректности создала давление на выбор имени и в целом на использование языка в социальном контексте. Представляется, что новая точка зрения, расширяющая и уточняющая наши представления о функционировании языка в социуме, создает возможностью наблюдать прагматизацию значения в социальном контексте, того, что возможно называть асимметрией между семантикой и прагматикой слова. Асимметрия значит, что прагматическое значение значительно отличается от семантики языковой единицы, подр.: [Чернявская, 2021 б].

Предлагаемый анализ опирается на понятие *деонтическое значение* и выдвигает его объяснительные возможности как аналитического инструмента для изучения слова в контекстуализации вообще и в интерпретации языковых процессов, порождаемых и направляемых политической корректностью, в частности. Такая цель анализа определяет логику предлагаемых

рассуждений и структуру статьи. В статье первое – критически анализируется трансформация понятия *политическая корректность* в современном англо-американском и немецком дискурсе и второе – систематизированы объяснительные подходы в прагматически ориентированной лингвистике, предлагающие лингвистические критерии для различения денотативного (дескриптивного) значения и дополнительных значений, обуславливающих оценочную интерпретацию языковой единицы в контексте.

Предлагаемое исследование базируется на анализе текстов новостных сообщений, пресс-релизов, опубликованных в СМИ в открытом доступе сообщений о переименованиях организаций, компаний, топонимических объектов, что отражает актуальные коммуникативные ситуации в странах Западной Европы, в США в 2019–2023 гг.

Политическая корректность: трансформация понятия в 1980–2020-е годы

Явление политической корректности связано с несколькими идеологиями и социально значимыми движениями: культурным многообразием (cultural (super)diversity), идеологией мультикультурализма, (cultural sensitivity), идеологией феминизма. Политическая корректность сложилась в 1980-е – к началу 1990-х гг. в США, Великобритании, Канаде как общественное движение за права тех социальных групп, которые считались принадлежащими к меньшинствам – расовые, национальные, сексуальные меньшинства, а также как движение за права женщин, за расширение их экономических и личных прав, против дискриминации по гендерному признаку. Феминизм стал одним из выражений леворадикального движения политкорректности. Первоначально политкорректность и дискурс феминизма воспринимались как совпадающие [Mills, 2003. Р. 89].

«Корректное мнение и ‘корректное мышление’ очевидно являются ключевым компонентом в дискурсивной истории политкорректности, как она предстала в 1980-е гг.», формулируют Ст. Зур и С. Джонсон [Suhr, Johnson, 2003. Р. 9]. Под влиянием активных трансформаций в обществе, в академической, университетской среде была осознана необходимость изменений в языке, а точнее в институциональном использовании языка, которое демонстрирует «несправедливое или нерелевантное разделение между социальными полами в университетской среде, публичном общении» [Mills, 2003. Р. 89]. Пересматривались речевые нормы во взаимодействии между отдельными людьми и социальными группами. Движение политкорректности выдвинуло на первый план тезис о существовании в языке «слов-притеснителей», понижающих самооценку некоторых социальных групп. Поэтому политкорректность получила очевидное выражение в использовании эвфемизмов и в альтернативной номинации (в английском языке это привело среди прочего к массовому появлению гендерно нейтральных обозначений за счет переосмысления словообразовательного суффикса *man*). Был сформулирован подход «сначала люди», «в языке сначала люди» («people first»; «people first language»), провозгласивший, что в языковой номинации на первый план должен выходить человек, а не его (не)способность делать что-либо [Halmari, 2011].

Особая перспектива в осмыслении политкорректности сложилась в немецком социокультурном контексте. Она связывается с рефлексиями относительно немецкой идентичности. Это стало наиболее отчетливо после объединения Западной и Восточной Германии в 1990 г. в единое государство. В немецких СМИ, в публичном и политическом дискурсе контексты, в которых обсуждалась повестка политической корректности, выходили за пределы феминизма, мультикультурализма и касались европейской интеграции, национальной идентичности. Превалирующими оказались дискуссии об историческом прошлом Германии, ее национал-социалистическом периоде 1933–1945 гг., что оформилось темами коллективной вины, коллективной ответственности, признаваемой в немецком обществе за последствия фашизма и национал-социализма, [Johnson, Suhr, 2003. Р. 51]. В немецком контексте эти дискуссии на-

чались раньше, чем появился собственно ярлык «политическая корректность». И это отличает немецкую практику от англосаксонской, обзор точек зрения в исторической перспективе представлен в исследованиях [Diderichsen, 1996; Frank, 1996; Кондакова, Принципалова, 2021; Чернявская, 2021a]. Отличительной чертой немецкой политкорректности стала значительная стигматизация концепта политкорректности и гораздо меньшая ироничная коннотация, которая прослеживалась в англосаксонских леволиберальных кругах при обсуждении вопросов, связанных с общественной моралью, образованием, религиозной принадлежностью, сексуальной ориентацией и политически гипертрофируемых [Johnson, Suhr, 2003. P. 50].

Если в 1980-е гг. политическая корректность получила первоначальный импульс и стала заметным общественным движением, то с конца 1990-х гг. и особенно в 2000–2010 гг. появилась возможность ретроспективного взгляда на этот феномен. Политическая корректность стала осмысляться с опорой на разные теории, которые в свою очередь сложились в это время внутри дискурсивного анализа, лингвистической антропологии, социолингвистики. В публикациях этого периода представлен критический взгляд на политическую корректность как на очень противоречивое явление, противоречивое в своей динамике. Одним из ее результатов стало то, что «гегемония политически корректного мышления привела к появлению поколения, парализованного страхом оставить царапину на слишком хрупком эго тех, кто может принадлежать к так называемому меньшинству»², как определяют Ст. Зур и С. Джонсон во вступительной редакционной статье специального выпуска журнала «Discourse & Society», посвященном политической корректности [Suhr, Johnson, 2003. P. 5]. Одновременно, по мнению авторов, политическую корректность следует осудить за то, что она заметно ужесточила реально существующие дискуссии и конфликты, которые должны существовать в обществе, чтобы иметь надежду на продвижение в сторону действительно равноправного общества [Там же]. Передозировка политкорректности может привести к разрушительным эффектам (an “overdose” of PC can also lead to devastating effects) [Marques, 2009. P. 258].

Если изначально политкорректность была очевидным и ярким примером борьбы дискурсов и идентичностей [Suhr, Johnson, 2003. P. 11], то в современном контексте социальные предписания стали жесткими запретами на использование определенных выражений, чтобы они не создавали социального конфликта. Политкорректность стала частью идеологической трансформации и смещения в сторону гегемонии одной идеологии [Margues, 2009. P. 258]. Она стала идеологической борьбой в том числе с иронией в адрес других. В таком развороте политкорректность может становиться и собственно становится «несбалансированной реакцией, предписаниями, которые в публичной медийной сфере доводятся до абсурда» [Mills, 2003. P. 91]. В определенный момент политически корректные предписания начали действовать как контроль над скрытыми смыслами – пресуппозициями и потенциально возможными импликациями дискурса, т. е. как пристальное внимание к тому, какие смыслы могут быть прочитаны как дискриминирующие некоторые социальные группы, указывает С. Миллз [Mills, 2003. P. 90]. Это продемонстрировала динамика общественных настроений в США в 2020 г., начавшихся после массовых общественных протестов из-за убийства американским полицейским темнокожего американца, и последовавшая реакция в западно-европейских странах.

Наблюдаемая сегодня радикализация и «несбалансированная реакция» политической корректности поддерживает практику переименования организаций, компаний, брендов под влиянием «вычитывания» и выведения возможного негативного отношения в обществе к существующим названиям.

² В оригинале «hegemony of ‘politically correct’ thinking... led to a ‘generation’ paralysed by a fear of denting the all too fragile egos of anyone who might belong to a so-called minority group» [Suhr, Johnson, 2003. P. 5].

Денотативное значение – коннотация – деонтическое значение: к определению понятий

В употреблении слово всегда получает определенные смысловые приращения по сравнению со значением, конвенционально закрепленным за ним в лексиконе того или иного языка. В структуре лексического значения слова различимы две части: содержательное ядро значения и сопутствующие значения, окружающие ядро, благодаря ассоциациям со значимыми в каком-либо отношении фрагментами общего социального опыта носителей языка. Шлейф смыслов, дополнительных к предметно-понятийному ядру значения, традиционно изучался в лингвистике и по-разному отрефлексирован в различных теоретических подходах. Сложился разный понятийный аппарат. В семантике и стилистике возникающее в контексте употребления смысловое приращение слова традиционно изучалось как коннотация. При этом *коннотация* использовалась как своего рода широкий, зонтичный термин для обозначения любого компонента, дополняющего предметное содержание единицы, для обзора [Телия, 1986]. В концепциях интеракциональной лингвистики, лингвистике дискурса, социолингвистике представления о прагматических аспектах значения теоретизируются с опорой на другой понятийный и терминологический аппарат, который позволяет более детально и дифференцированно говорить о характеристиках прагматического значения по сравнению с семантическим.

Понятие *социальное значение* обсуждалось с 1980-х гг. внутри семантики, главным образом в англо- и немецкоязычных публикациях. Определение того, что значит социальное значение, связывалось в ранних публикациях с перформативным эффектом и с коммуникативной реакцией адресата на задействованное в речевом акте средство, исчерпывающий обзор проблематики представлен в работе С. Лёбнера [Löbner, 2002]. В (лексической) семантике социальное значение рассматривается как часть лексического значения слова наряду с его денотативным значением. Слово или высказывание получает социальное значение, если его использование подчинено существующим правилам социального взаимодействия в коммуникации. В такой перспективе социальное значение фиксируется нормами формальной или неформальной коммуникации. В каждом языке сложился набор языковых единиц и формулировок с отчетливым социальным значением, например, приветствия, извинения, формы разговора по телефону, иные этикетные и ритуализированные формулы социального взаимодействия. Именно как соответствие формальной или неформальной коммуникации термин *социальное значение* применялся в семантике в публикациях 1970–1990-е гг., ср.: [Löbner, 2002. Р. 34]. Понимаемое так социальное значение не тождественно другому аспекту лексического значения, а именно *экспрессивному значению*. Экспрессивное значение передает семантическую характеристику языковой единицы, которая не зависит от контекста использования и выражает субъективное, эмоциональное переживание удовольствия, одобрения, сожаления и т. п., а также экспрессивную негативную оценку личности и поведения человека. К словам с экспрессивным значением традиционно относят междометия, эмоционально заряженные номинации, бранные слова.

Для предлагаемого анализа существен еще один тип значения, описываемый термином *коннотация*. Коннотативное значение как часть лексического значения передает оценочный компонент, дополнительный к денотативному значению и устойчиво связанный с ним в сознании носителей языка. Коннотация выражает эмоционально-оценочные ассоциации, связанные с основным значением в сознании коммуникантов. Например, слово *свинья* имеет коннотацию *нечистоплотный, грязный*. Коннотация не является частью дескриптивного значения и не обязательно является экспрессивом: слово *свинья* может использоваться нейтрально для обозначения животного. Коннотации изменчивы в историческом движении и вариативны в культурных контекстах. Поэтому о коннотативном значении целесообразно говорить в связи с актуальной денотацией слова. Негативные коннотации традиционно изучаются в связи с эвфемизацией.

Исследователи лексической семантики в 1980–90-е гг. высказывали мнение, что однозначное разделение социального значения и экспрессивного значения труднодостижимо. В от-

дельных объяснительных подходах экспрессивное значение рассматривается как коннотация. Однако следует согласиться с С. Лёбнером в том, что лингвистическая дифференциация становится все более отчетливой именно в контекстуализации, при погруженности высказывания в социальную ситуацию. В современных концепциях дискурсивного анализа, метапрагматики, социолингвистики доказательно разрабатываются представления о социальном значении как особом типе значения слова, использованного в социальной ситуации. Детальный обзор проблематики и актуальная библиография представлены в [Гладко, 2022; Молодыхенко, 2022; Молодыхенко, Чернявская, 2022; Чернявская, 2023]. В кратком обобщении социальное значение регулируется социально значимыми правилами коммуникации, типизированными социальными ролями, идентичностями коммуникантов и их типизированными представлениями о партнере, о характере ситуации взаимодействия в целом. Экспрессивное значение в представленном выше понимании выражает субъективную оценку и субъективный выбор языкового средства для ее выражения.

Общественно-историческая прикрепленность слова и диахроническая изменчивость содержания и объема понятия, обозначаемого словом, фокусировалась в концепции «замещения понятий» (*Besetzen von Begriffen*) [Klein, 1991], а также в теории исторической семантики дискурса Д. Буссе [Busse, 2000]. Эти исследовательские направления детально развивались в немецкой лингвистической школе с 1970-х гг. и далее в лингвистике дискурса. В русле данных лингвистических теорий проводятся исследования социо- и культурно-исторического развития значения отдельных слов и обозначаемых ими понятий. Прагматическим поворотом в лингвистике была подготовлена исследовательская перспектива в изучении имплицитных, латентных смыслов, ориентированная на прагматику коммуникации³. В реальном употреблении слова, т. е. в контекстуализации, наряду с дескриптивным значением (дескриптивным компонентом значения) выделяемо *деонтическое значение* – компонент значения слова, выражающий оценку и одновременно предписание нормативного характера о возможности (желательности, нежелательности) использования этого слова. Деонтическое значение слова предписывает использование или неиспользование данной языковой единицы для обозначения определенного содержания. В лингвистический анализ термин (*deontische Bedeutung*, *deontic meaning*) ввел Ф. Херманнс [Hermanns, 1989].

В такой проекции объяснительный подход связан с различием дескриптивного значения, деонтического значения и коннотации. Некоторые языковые единицы имеют деонтическое значение, положительную или отрицательную деонтику, закрепленную в лексиконе, например, *предатель, убийца, воровать, милосердие*, другие единицы приобретают деонтическое значение в контексте использования. Й. Кляйн показал, что деонтическое значение может возникать у любой языковой единицы [Klein, 1991. Рр. 62–63]. При этом возможно предположить, что особой чувствительностью к контексту и аксиологической, деонтической заряженностью обладают слова, обозначающие ценностно-ориентированные «поведенческие» и мировозрен-

³ В разное время становились продуктивными отдельные исследовательские аспекты в изучении идеологически нагруженного использования языка для выдвижения определенных оценок. В своем целеполагании изучать имплицитные смыслы, стоящие за языковой формой, в 1970-е гг. резонансной стала критическая лингвистика (*Critical Linguistics*), критический дискурс-анализ (*Critical Discourse Analyses*, *Critical Discourse Studies*, *Discourse Historical Approach CDA*). Критический дискурс-анализ стал, как известно, наиболее влиятельным исследовательским подходом в 1980–2000-х гг. в изучении языка как отражения и выражения идеологически мотивированных интересов использующих его людей. При этом связь идеологии, дискурса и определенного, такого и не иного употребления языка не всегда очевидна и оторефлексируется участниками коммуникации. В исследованиях критического анализа дискурса центральной темой стал скрытый антисемитизм, ксенофобия, расистские, националистические, гендерные, иные предубеждения, которые исследователи, практикующие КДА, прослеживали в современном им обществе в том числе на уровне повседневной коммуникации в тривиальных высказываниях. Детальный обзор критических подходов к возможностям и ограничениям критического дискурс-анализа представлен в работах [Молодыхенко, Чернявская, 2022; Чернявская 2021 б. С. 50–54; 159–160].

ческие концепты. Собственно этот аспект и стал наиболее проработанным. По определению авторитетного немецкого лингвиста В. Дикмана, «семантическая борьба» между словами и выражаемыми ими понятиями показывает «идеологическую полисемию» (*ideologische Polysemie*), которая описывает явную или латентную семантическую конкуренцию языковых единиц [Dieckmann, 1969]. Выбор номинаций происходит в ситуации конкуренции или альтернативной номинации, что и определяет содержание того, что значит «занимать понятия». Языковые средства определяются как инструментарий для реализации стратегической цели коммуниканта. Действия со словами имеют целью изменение коннотативного фона за счет создания позитивного или негативного восприятия слова и фиксации его ассоциативных связей с определенным понятием или социальным актором. Желаемая оценка и прогнозируемая реакция адресата создаются за счет выбора альтернативных номинаций. В исследованиях политического дискурса стратегический аспект альтернативной номинации отчетливо прослеживается по линии противопоставления «свои» – «чужие». Выбор слова для обозначения некоего референта акцентирует определенные содержательные аспекты с опорой на дескриптивное значение и вместе с этим вызывает определенные ассоциации (коннотативные значения) и фиксирует деонтический компонент значения. В употреблении «чужими» и по отношению к «чужим» закрепляется негативная деонтика нежелательности, отрицательно-оценочных смыслов, выражаемых определенным словом. По отношению к «своим» закрепляется положительная деонтика с прескриптивным характером желательности использования языковой единицы в данном контексте. Например, ранние исследования [Liedke, 1989] показывают, что в немецком политическом дискурсе и в западноевропейском пространстве в целом в 1970–90-е гг. слово «социализм» («Sozialismus») получило негативную деонтику и использовалось в контекстах, выражающих отрицательную оценочность на фоне социалистического строя в СССР и Восточной Германии. Понятие «рыночная экономика» имело позитивную деонтику в западно-немецком политическом дискурсе и одновременно отрицательное деонтическое значение в контексте выражения социалистических реалий как противопоставление плановой экономике⁴. Альтернативная номинация, переименование может рассматриваться как инструмент воздействия на адресата, например, вместо *застой* используется *нулевой рост*, вместо *аннексия территории* – *присоединение территории* и т. д. Аксиологическая негативная или позитивная полярность конструируется коммуникантами в дискурсе в соответствии с «прагматикой момента».

Отметим, что в российской лингвистике термин *деонтическое значение* не использовался, при этом сходная проблематика возникновения прагматических значений у языковой единицы под влиянием социокультурной практики ее использования обсуждалась и объяснялась с опорой на иной аналитический аппарат. Значимым результатом в этой перспективе следует назвать исследования Н. А. Купиной, в том числе монография «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» [Купина, 1995; 2015]. Исследован языковой материал советского «лингвокультурного сообщества, основа которого заложена не в национально-культурной, а в государственно-политической сфере» [Купина, 2015. С. 5]. В качестве основного лексикографического источника для анализа используется «Толковый словарь русского языка» (ТСУ) 1935–1940 гг. под редакцией Д. Н. Ушакова⁵, который Н. А. Купина квалифицирует как лексикографический памятник эпохи. Показывается, что семантика ряда слов приобретает «идеологический макрокомпонент», т. е. «цельную, развернутую, достаточно самостоятельную часть словарного толкования и/или набор качественно новых для русского языка идеологизированных контекстов (от словосочетания до развернутого высказывания), рекомендуемых ТСУ в качестве нормативных, ти-

⁴ Заметим в этой связи, что политическая корректность также обнаруживает деонтическую полисемию и аксиологическую полярность, вызывает как положительную, так и отрицательную реакцию социальных акторов. Этим термином, как показывает анализ, номинируют как социально привлекательные, так и осуждаемые явления.

⁵ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. проф. Ушакова Д. Н. М.: Советская энциклопедия. ОГИЗ. 1935–1940 гг.

повых» [Там же. С. 11]. В числе характерных особенностей языка эпохи называется создание идеологем, отчетливо задаваемая семантическая оппозиция, например, *красный* – *белый*, т. е. *вражеский*, *враждебный*; *советский* – *антисоветский*, т. е. *буржуазный*, *западный*; прямолинейная аксиологическая поляризация лексики; развитие антонимических и синонимических рядов, системно закрепляющих идеологемы; кодифицирование нетрадиционной для русского языка лексической сочетаемости, отражающей идеологизированные стандарты. Н. А. Купина детально показывает, как в анализируемом словаре Ушакова 1935–1940 гг. языковые единицы фиксируются как идеологемы. Например, отмечается, что с лексемой *интеллигенция* «в словаре В. И. Даля ... связано духовное внеклассовое содержание: *Интеллигенция. Разумная, образованная, умственно развитая часть жителей*, то в ТСУ это слово характеризуется идеологически, так как в семантическую структуру слова включаются семемы с пометами (презр.): *Интеллигент. Человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презр.). Интеллигентщина (нов. разг. презрит.)*» [Купина, 2015. С. 11–12].

Разработки в области создания идеологем и влияния идеологии на семантику и прагматику языка, проводимые в отечественных научных школах, очевидно создали свои теоретико-методологические основания в изучении формирования деонтического значения, положительной или отрицательной деонтики слова. Осмысление механизмов смыслообразования в социально значимых контекстах с опорой на понятие *деонтическое значение* и дальнейшая экспликация этого понятия представляется продуктивной. Представим далее ряд актуальных ситуаций, позволяющих наблюдать динамику прагматизации значения под влиянием социально детерминированного понимания в практике современной политкорректности.

Материал и интерпретация

Практика политической корректности создала сильное давление на выбор имени и соответственно переименование. В ряду «политически корректных» действий и социально значимых контекстов, позволяющих наблюдать прагматизацию значения под давлением доминирующего прочтения рассмотрим следующие примеры.

1. *Косметические бренды, производящие и продающие средства для осветления кожи, обвиняются в использовании расистских стереотипов и расистских образов для продвижения популярных продуктов, а именно в использовании цвета и наименований цвета, вызывающих расистские ассоциации*⁶. По сообщению агентства Reuters, компания L'Oreal объявила, что из описания косметики для ухода за кожей и выравнивания тона кожи будут исключены слова *white* (белый/отбеливающий), *fair* (светлый/осветляющий/блонд), *light* (светлый). Аналогичное решение приняла компания Unilever. Принято решение переименовать бренд *Fair & Lovely*, ведущий в производстве отбеливающих средств для кожи⁷.

В семантике слов *white* (белый), *fair* (светлый), *light* (светлый) присутствуют и соотносимы следующие значения: светлый по сравнению с другими объектами, лишенный дополнительной окраски, светло-, белокожий как признак людей европейской расы. Акцентирование значения белокожий и выдвигание его на фоне других семантических характеристик, очевидно, происходит под влиянием дискурса расизма, укорененного в американском, европейском обществе. Есть общие знания, разделяемые членами общества, о негативных предубеждениях против людей по цвету кожи и о социальной дискриминации темнокожих. Дискурс расизма может быть определен и как уже существующие высказывания, оценки, предубеждения, так

⁶ Источник: <https://www.forbes.com/sites/jemimamcevoy/2020/06/26/loreal-unilever-reassess-skin-lightening-products-but-wont-quit-the-multi-billion-dollar-market/?sh=481be38f223a>

⁷ В источнике: «L'Oreal, the world's biggest cosmetics company, will remove words referencing "white", "fair" and "light" from its skin-evening products, a spokeswoman said on Friday, a day after Unilever made a similar announcement in the face of growing social media criticism». <https://www.reuters.com/article/us-l-oreal-whitening/loreal-to-drop-words-such-as-whitening-from-skin-products-idUSKBN23X224?il=0>

и все потенциально возможные высказывания о превосходстве одних людей над другими. Идеологическое противостояние и борьба дискурсов, расистского и антирасистского, антидискриминационного, фокусирует обозначенную ранее «идеологическую полисемию». В актуальном контексте «белый» понимается в первую очередь как «белокожий», принадлежащий к европейской расе. Фактически формируется и поддерживается деонтическое значение нежелательности, невозможности использовать языковую единицу «белый» без социального осуждения в расизме и колониализме.

2. Американская компания, владеющая торговой маркой мороженого «Эскимо» (*Eskimo pie*), отказалась от названия на фоне акций протеста в США против расизма. В компании объявили, что название является оскорбительным для коренных народов Арктики – эскимосов. Название мороженого-эскимо было запатентовано в 1922 г.⁸ Профессиональная футбольная команда Канадской футбольной лиги Эдмонтон Эскимос, имевшая название *Edmonton Eskimos* объявила о решении изменить название команды под давлением общественных требований избавляться от расистских названий и образов. Из названия исключено слово эскимос. В заявлении указано, что эскимос – унижительный термин колониальной эпохи для обозначения коренных народов Северной Америки, проживающих в том числе на территории Канады. Команда с таким названием существовала уже в 1895 г.⁹

Для обозначения коренных народов Арктики социально допустимым стало слово *инуит*. Таким образом, отрефлексируемая в социальном контексте связь слова эскимос с употреблением этого слова европейцами привела к появлению деонтического компонента значения, а именно негативного и указывающего на контекст колониального прошлого. Слово *инуит* становится социально допустимым и желательным.

3. Энтомологическое общество Америки (ESA) исключило названия «цыганский мотылек» (*Gypsy Moth*, *Lymantria dispar*) и «цыганский муравей» (*Gypsy Ant*) из списка наименований насекомых. Эти названия оценили как оскорбительные для цыган. Название «цыганский мотылек» использовалось с 1908 года, «цыганский муравей» с 2006 года. Новые названия будут придумывать энтомологи, а также все желающие. В 2021 году правящий совет ESA утвердил новую политику в отношении наименований насекомых – запретил названия, относящиеся к этническим или расовым группам, а также способные вызывать страх.¹⁰

4. В октябре 2021 г. было изменено название улицы Берлина Мореништрассе (*Mohrenstraße*). Улица переименована в улицу Антона Вильгельма Амо (1703–1752), темнокожего философа и правоведа, в оригинале *Anton-Wilhelm-Amo-Straße*. Это одна из старейших улиц Берлина, возникла в начале 18 века. «Мавр» («*Mohr*») – устаревшее название темнокожего населения Северной Африки, в том числе темнокожих рабов, содержавшихся при дворах европейской знати, принятое в средневековой Западной Европе. Историческое название в современном контексте многие люди воспринимали как колониальное и расистское. Ежегодно в Международный день памяти о работорговле на Мореништрассе организовывались акции за ее переименование на том основании, что слово «мавр» («*Mohr*») имеет оскорбительное значение. Решение о переименовании принято по итогам голосования представителями различных партий в парламенте округа. Основной тезис: «В соответствии с современным пониманием де-

⁸ Источник: <https://www.wsj.com/articles/eskimo-pie-to-drop-derogatory-name-dreyers-says-11592603310>

⁹ Источник: CFL's Edmonton Eskimos will search for new name <https://www.cp24.com/sports/sponsors-want-edmonton-eskimos-to-change-name-1.5015229>

¹⁰ Источник: <https://www.entsoc.org/entomological-society-america-discontinues-use-gypsy-moth-ant-names>; <https://esquire.ru/news/society-news/12-07-2021/274373-v-ssha-izmenyat-nazvaniya-cyganskogo-motyika-i-cyganskogo-muravya-ih-poschitali-oskorbitelnymi-dlya-predstaviteley-etnicheskogo-menshinstva/>

мократии, расистское ядро, прослеживаемое в названии улицы, наносит ущерб национальной и интернациональной репутации Берлина»¹¹.

Приведенные примеры характерны как отражение типичной практики, они показывают, как языковые единицы, денотативно отсылающие к обозначению расы, фактически воспринимаются как имеющие негативный оскорбительный смысл, т. е. социально осуждаемы. Активные действия по переименованию фокусируют происходящие семантические сдвиги, мотивируемые и собственно лоббируемые в институциональном пространстве.

Заключение

Анализ языка, функционирующего в социальных контекстах, дает точку доступа к объяснению двух взаимосвязанных аспектов – лингвистического и социального. Человек использует языковые ресурсы, чтобы выражать определенные смыслы в социуме и взаимодействовать с другими. Движение политической корректности и отражающая его коммуникативно-речевая практика позволяет наблюдать процесс возникновения у языковой единицы новых значений и смысловых приращений, обусловленных включенностью слова в социальный контекст и собственно социально детерминированных. Сегодня политическая корректность проявляет себя не как сосуществование и конкуренция разных идентичностей, идеологий, значений, но как жесткий запрет со стороны общества на использование одних языковых средств и такое же жесткое, социально контролируемое предписание на использование других. Фактически речь идет не об альтернативной номинации, но о редукции возможного многообразия и полифонии значений и сведение их к одной доминирующей интерпретации и одному смыслу. В лингвистической интерпретации политически корректного наименования отчетливо прослеживается движение к формированию узкого деонтического значения у ряда слов. Деонтическое значение не сводимо к понятию коннотации, поскольку практически невозможно отделить предметно-понятийное ядро значения и значение, сопутствующее, вторичное по отношению к дескриптивному значению. Приведенный материал свидетельствует, что в значении ряда языковых единиц в английском, немецком языках закрепляется негативная деонтика категоричного предписания, а именно запрет на употребление; одновременно в значении других слов закрепляется положительная деонтика с прескриптивным характером желательности использования. Механизм формирования деонтического значения действует как социально детерминированный. Деонтическое значение формируется как идеологически нагруженное и идеологически мотивированное и не сводимо к субъективному, окказиональному использованию слова. Политизация и идеологизация языка мотивирует переосмысление слова или выражения и закрепление за ними деонтического значения. Понимание идет по течению доминирующего прочтения. Есть презумпция, что использование слов, означающих белый цвет или обозначающих расу, по определению имеет «расистское ядро», выражает негативную оценку и социально осуждаемо. Анализ показывает такие ситуации, в которых политическая корректность из практики использования языка, нацеленной на преодоление дискриминации и оскорбления социальных уязвимых групп, трансформировалась в борьбу со скрытыми смыслами и возможными импликациям и импликатурами.

¹¹ В оригинале: „Nach dem heutigen Demokratieverständnis ist der bestehende rassistische Kern des Namens belastend und schadet dem nationalen und internationalen Ansehen Berlins.“ Betont wird ein „jahrelanger Diskussionsprozess zur Umbenennung kolonialer Straßennamen zu Ehren afrikanischer beziehungsweise schwarzer Persönlichkeiten“. <https://www.welt.de/politik/deutschland/article237478001/Umbenennung-der-Mohrenstrasse-Gegner-sieht-Verfassungsbruch.html>

Список литературы

- Гладко М. А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13. № 4. С. 7–21.
- Кондакова Е. А., Принципалова О. В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156.
- Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. 1-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995; 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.
- Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220
- Майба В. В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2016. 107 с.
- Молодыхенко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13. № 2. С. 11–29. DOI: 10.18721/JHSS.13202
- Молодыхенко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // *Вестник С.-Петербург. ун-та. Язык и литература*. 2022. 19 (1). С. 103–124.
- Рубина Н. Б. Эфемизм и политическая корректность в современном английском языке // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2011. №4. С. 35–40.
- Степанов Б. В. Улица Советская в постсоветском городском ландшафте // *Историческая разметка пространства и времени*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. С. 19–43.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука. 1986.
- Чернявская В. Е. Социальное значение в зеркале политической корректности // *Вестник С.-Петербург. ун-та. Язык и литература*. 2021а. № 2 (18). С. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
- Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. URSS. 2021 б.
- Чернявская В. Е. «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2023. Т. 14, № 1. С. 77–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5
- Alia, V. The Politics of Naming: A Personal Reflection. *Name*. 2007, 55(4), pp. 457–464.
- Bonder, M. Political Correctness: Ein Gespenst geht um die Welt. Frankfurt am Main: Eichborn. 1995.
- Busse, D. Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 2000, 31(86), S. 39–53.
- Dieckmann, W. Sprache in der Politik. Heidelberg. 1969.
- Diederichsen, D. Politische Korrekturen. Köln: Kiepenheuer & Witsch. 1996.
- Ely, R. J., Meyerson, D. E., Davidson, M. N. Rethinking political correctness. *Harvard Business Review*, 2006, 84 (9), P. 78–87.
- Fairclough, N. “Political correctness”: The politics of culture and language. *Discourse and Society*, 2003, 14 (1). Pp. 1–10
- Frank, K. ‘Political Correctness: Ein Stigmawort’. H. Diekmannshenke and J. Klein (eds). *Wörter in der Politik: Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation*, Opladen: Westdeutscher Verlag. 1996. Pp. 185–218.
- Guenther, K. The politics of names: rethinking the methodological and ethical significance of naming people, organizations, and places. *Qualitative Research*, 2009. Vol. 9, no. 4. Pp.411–421.
- Halmari, H. Political correctness, euphemism, and language change: The case of ‘people first’// *Journal of Pragmatics*. 2011. No 43. Pp. 828–840.

- Hermanns, F.** Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Klein, J. (Ed.). Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. Pp. 69–149.
- Klein, J.** Kann man Begriffe besetzen? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher. Liendke F., Wengeler M., Boke K. (Eds.). Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik. Westdeutscher Verlag, 1991, 44–69.
- Kondakova, E. A., Printsipalova, O. V.** Discourse on the Linguistic Implementation of the principles of Political Correctness in German Political Linguistics. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 2, p. 143–156.
- Lakoff, R.** The Language War. Berkeley: University of California Press. 2000.
- Liedtke, F.** Sozialismus. Ein Reizwort. In Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1989, 20, 23–38.
- Löbner, S.** Understanding Semantics. Routledge. 2002.
- Marques, J.** How Politically Correct Is Political Correctness? A SWOT Analysis of This Phenomenon. Business & Society. 2009, № 48 (2), pp. 257–266.
- Mills, S.** Caught between Sexism, anti-Sexism and Political Correctness: Feminist women's Negotiations with naming practices. Discourse and Society, 2003, 14 (1), pp. 87–100.
- Smith, G. W.** Theoretical foundations of literary onomastics. Hough, C. (ed.) The Handbook of Names and Naming. Oxford: Oxford University Press, 2016, pp. 295–309.
- Suhr, S., Johnson, S.** Re-visiting PC: Introduction to Special Issue on 'Political Correctness. Discourse and Society, 2003, 14, pp. 5–12.
- Wilson, J. K.** The Myth of Political Correctness: the Conservative Attack on Higher Education. Durham, NC: Duke University Press. 1995.
- Wimmer, R.** 'Politische Korrektheit (political correctness) – verschärfter Umgang mit Normen im Alltag. Der Deutschunterricht, 1998, 3, pp. 41–48.

References

- Alia, V.** The Politics of Naming: A Personal Reflection // Name. 2007. № 55(4), Pp. 457–464.
- Bonder, M.** Political Correctness: Ein Gespenst geht um die Welt. Frankfurt am Main: Eichborn. 1995.
- Busse, D.** Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 2000. Vol 31, no. 86. Pp. 39–53.
- Chernyavskaya, V. E.** Social meaning in the mirror of political correctness // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura, 2021 a. Vol. 2, no.18. Pp. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
- Chernyavskaya, V. E.** Text and the social context // Sociolinguistic and discursive analysis of meaning making. Moscow: Librocom. 2021 b.
- Chernyavskaya, V. E.** "They call the main entrance a porch": social meaning in semantics and metapramatics. Slovo.ru: baltic accent. 2023. Vol. 14, no.1. P p. 72–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-5.
- Dieckmann, W.** Sprache in der Politik. Heidelberg. 1969.
- Diederichsen, D.** Politische Korrekturen. Köln: Kiepenheuer & Witsch. 1996.
- Ely, R. J., Meyerson, D. E., Davidson, M. N.** Rethinking political correctness // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84, no. 9. Pp. 78–87.
- Fairclough, N.** "Political correctness": The politics of culture and language. Discourse and Society. 2003. Vol. 14, no. 1.
- Frank, K.** 'Political Correctness: Ein Stigmawort'. H. Diekmannshenke and J. Klein (eds). Wörter in der Politik: Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation, Opladen: Westdeutscher Verlag. 1996, pp. 185–218.

- Gladko, M. A.** Linguistic representation of “new sincerity” and sensitivity in media space // *Terra Linguistica*. 2022. Vol. 13, no 4. Pp. 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401.
- Guenther, K.** The politics of names: rethinking the methodological and ethical significance of naming people, organizations, and places // *Qualitative Research*. 2009. Vol. 9, no. 4. Pp. 411–421.
- Halmari, H.** Political correctness, euphemism, and language change: The case of ‘people first’ // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. Pp. 828–840.
- Hermanns, F.** Deontische Tautologien. Ein linguistischer Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Klein, J. (Ed.). *Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. Pp. 69–149.
- Klein, J.** Kann man Begriffe besetzen? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen politischen Metapher. Liendke F., Wengeler M., Boke K. (Eds.). *Begriffe besetzten. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik*. Westdeutscher Verlag, 1991. Pp. 44–69.
- Kupina N. A.** Totalitarnyi yazyk: slovar’ i rechevyje reaktsii [Totalitarian Language: dictionary and speech reactions]. 1st ed. Ekaterinburg, 1995; 2nd ed. Ekaterinburg, 2015.
- Lakoff, R.** *The Language War*. Berkeley: University of California Press. 2000.
- Leontovich, O. A.** The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, no. 1. Pp. 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220
- Liedtke, F.** Sozialismus. Ein Reizwort // *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*. 1989. Vol. 20. Pp. 23–38.
- Löbner, S.** *Understanding Semantics*. Routledge. 2002.
- Majba, V.** Politicheskaja korrektnost’ kak lingvoideologicheskoe javlenie i ee recepcija v russkoj lingvokul’ture (Political correctness as a lingua-ideological phenomenon and its reception in Russian culture). Rostov-na-Donu. 2016. 107 p.
- Marques, J.** How Politically Correct Is Political Correctness? A SWOT Analysis of This Phenomenon // *Business & Society*. 2009. Vol. 48, no. 2. Pp. 257–266.
- Mills, S.** Caught between Sexism, anti-Sexism and Political Correctness: Feminist women’s Negotiations with naming practices // *Discourse and Society* 2003. Vol. 14, no. 1. Pp. 87–100.
- Molodychenko, E. N.** Identity, style, and styling: a sociolinguistic perspective // *Terra Linguistica*. 2022. Vol. 13, no. 2. Pp. 11–29.
- Molodychenko, E. N., Chernyavskaya, V. E.** Representing the Social through Language: Theory and Practice of Sociolinguistics and Discourse Analysis // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura*. 2022. Vol. 19, no. Pp. 103–124.
- Rubina, N. B.** Evfemizm i politicheskaja korrektnost’ v sovremennom anglijskom jazyke // *Vestnik RUDN. Linguistika*. 2011, Vol. 4. Pp. 35–40.
- Smith, G.W.** Theoretical foundations of literary onomastics. Hough, C. (ed.) *The Handbook of Names and Naming*. Oxford University Press, 2016. Pp. 295–309.
- Suhr, S., Johnson, S.** Re-visiting PC: Introduction to Special Issue on ‘Political Correctness’ // *Discourse and Society*. 2003. Vol. 14. Pp. 5–12.
- Stepanov, B. V.** Ulitsa Sovetskaya v postsovetskom landshafte [Sovetskaya Street in the postsoviet landscape]. *Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni*. Volgograd. 2014. Pp. 19–43.
- Wilson, J. K.** *The Myth of Political Correctness: the Conservative Attack on Higher Education*. Durham, NC: Duke University Press. 1995.
- Wimmer, R.** ‘Politische Korrektheit (political correctness) – verschärfter Umgang mit Normen im Alltag’ // *Der Deutschunterricht*. 1998. Vol. 3. Pp. 41–48.

Информация об авторе

Чернявская Валерия Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Information about the Author

Valeria E. Chernyavskaya, Dr Sc. (Philology), Professor of Higher School of Applied Linguistics and Translation Studies at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 03.07.2023*

*The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 03.07.2023*